

В разных местах рецензируемой книги Т. А. Трофимова (как и мы) на основании антропологических данных поддерживает мнение А. Н. Бернштама о том, что «гунны» Средней Азии представляли собой пришельцев с востока, смешавшихся с местными аборигенами.

В эпоху поздней античности основные компоненты позднейшего узбекского и туркменского населения уже сформировались (стр. 11). В качестве предков хорезмских узбеков Т. А. Трофимова рассматривает захороненных в Калалы-гырских крепостях, а в качестве предков хорезмийских туркмен — погребенных в оссуариях Куны-Уза и Канга-Калы.

К несколько более позднему времени (VI—VIII вв. н. э.) относятся черепа из Куба-Тау. Некоторая часть их из раскопок 1936 года была изучена В. Я. Зезенковой: материалы из раскопок 1956 года изучила Т. А. Трофимова. Большая часть черепов из Куба-Тау деформирована. Антропологический тип их, европеоидный в основе, различен. Отмечен череп, близкий к андроновским формам, другой — к средиземноморскому типу. Т. А. Трофимова отмечает и монголоидную примесь, но иную, чем в предыдущих сериях.

К еще более позднему времени (VIII—X вв. н. э.) относятся две серии черепов из Беркут-Калинского оазиса на правобережье Аму-Дарьи. Материалы из замка № 36 были получены в 1937 году и изучены Н. Г. Залкинд; материалы из замка № 50, раскопанные в 1953 году изучила Т. А. Трофимова. Вторая серия несколько более поздняя, чем первая. На этих черепах можно проследить элементы древнего андроновского типа. В целом здесь, по-видимому, преобладает тип Среднеазиатского междуречья, в основе которого и лежит андроновский тип, как это мы показали на разных сериях черепов из Тянь-Шаня и др.

Наконец, Т. А. Трофимова дает характеристику двум небольшим, еще более поздним сериям черепов из развалин Куны-Ургенча и из окрестностей Узбоя, датируемых XIV веком. Первые — мезо-брахикранные, вторые — брахикранные варианты типа Среднеазиатского междуречья с легкой примесью монголоидных черт, более ясной на серии из Узбоя.

Хотя не все эпохи хорошо представлены антропологическими материалами, уже можно проследить пути становления и развития населения территории Хорезма с древних времен. Уже в эпоху бронзы, да и раньше, здесь соприкасались разные культуры и их носители — племена, относившиеся к разным антропологическим типам европеоидной расы — северному и южному. В дальнейшем южные группы, по-видимому, преобладают, но те и другие преобразуются в тип Среднеазиатского междуречья при возрастающем участии монголоидных элементов.

Т. А. Трофимова показала наличие в древнем южноевропейском расовом типе экваториальной примеси, которая иногда отмечается и в современном населении Средней Азии, о чем писал Л. В. Ошанин. Мы имели случаи отметить такую примесь у горных таджиков.

Рецензируемая книга, как и другие, относящиеся к палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей работы Т. А. Трофимовой, написанная с привлечением широкого материала, способствует изучению этногенеза населения Средней Азии и представляет несомненный интерес не только для антропологов, но и для представителей других смежных дисциплин, в первую очередь археологов, историков и этнографов.

Нужно пожелать Хорезмской экспедиции дальнейших успешных находок антропологических материалов, чтобы заполнить лакуны и тем скорее завершить построение схемы этногенеза населения этой части обширной территории Средней Азии.

В. Гинзбург

А. И. Робакидзе. *К истории пчеловодства*. Издательство Академии наук Грузинской ССР, Тбилиси, 1960, 256 стр. + 12 стр. рис. (на груз. яз.).

Рецензируемая работа состоит из введения, пяти глав и заключения, резюме на русском и немецком языках, списка использованной литературы, указателей и иллюстраций.

Во введении автор определяет задачи исследования, дает критический обзор литературы по пчеловодству, подробно останавливается на методике полевой этнографической работы. Обосновывая постановку вопроса, А. И. Робакидзе справедливо связывает пчеловодство с одной из важных культурно-исторических проблем общей этнографии — проблемой одомашнения животных.

В первой главе монографии рассматривается вопрос о возникновении пчеловодства с точки зрения общей этнографии, три следующие посвящены истории пчеловодства у некоторых народов Древнего Востока (гл. 2), Руси (гл. 3) и Грузии (гл. 4). В пятой главе дана характеристика ряда пчеловодческих обычаев и обрядов в связи с критикой «религиозных теорий» происхождения домашнего пчеловодства.

Пчеловодство — занятие очень древнее, подчеркивает А. И. Робакидзе. Оно всегда составляло определенную отрасль хозяйственной деятельности человека. Известно, что

добыча меда и воска входила еще в сферу собирательского хозяйства. Человек верхнего палеолита (наскальное изображение в Испании, Валенсия) пользовался медом в качестве не только пищи, но и хмельного напитка.

Автор подвергает резкой критике взгляды буржуазно-националистических этнографов — проповедников пресловутой нордической теории, пытающихся доказать, что пчеловодство первоначально возникло в быту «северных народов» и лишь с их миграцией проникло в Южную Европу и на Древний Восток.

По мнению К. Сайферта, например, появление домашнего пчеловодства было обусловлено интересами культа у индогерманцев, с прародины которых оно распространилось по всему свету. На протяжении всей работы автор подвергает всестороннему критическому анализу приведенное положение К. Сайферта и доказывает его несостоятельность.

«...В основе домашнего пчеловодства, так же как и в основе более ранних форм добычи меда и воска,— пишет А. И. Робакидзе,— лежали интересы производства материальных благ, а не религиозные представления или возникший на этой почве культ». Кроме того, «значение продуктов пчеловодства среди различных видов средств существования и его сравнительно несложные формы составляли достаточные условия для его самостоятельного возникновения всюду, где естественная среда благоприятствовала этому. Данные этнографии совершенно очевидно говорят в пользу филогенетического происхождения этой отрасли хозяйственной деятельности человека» (стр. 200). Современная этнография не знает ни одного народа, который при соответствующих естественных условиях не занимался бы добычей меда и воска в той или иной форме. заявляет автор и приводит обильный фактический материал по различным частям света, подтверждающий это положение.

На наличие домашнего пчеловодства у некоторых народов Древнего Востока указывают отдельные параграфы хеттского судебногоника XIV—XIII вв. до н. э., которые предусматривают определенное наказание за кражу пчелиного улья. Анализ соответствующих мест мифа об умирающем и воскресающем божестве, в котором пчеле отведена значительная роль, дает автору основание высказать предположение о том, что домашнее пчеловодство народам Древнего Востока было известно задолго до появления указанного выше хеттского судебногоника.

О древности «правильного пчеловодства» в Египте свидетельствуют изображения на египетских саркофагах, а также данные о том, что еще в династический период мед и воск использовались при мумификации, для изготовления лекарств, различных магических фигур, в кораблестроении и т. д. В III тысячелетии удельный вес пчеловодства в хозяйстве египтян значительно возрос. В законах Тутмоса III среди товаров, облагаемых пошлиной — золота, серебра, крупного рогатого скота, назван и мед.

Интересные данные приводятся о древних формах пчеловодства у славян, о том большом месте, которое оно занимало в их экономической жизни. Автор ссылается на ряд параграфов Русской Правды, которые стоят на страже бортовых угодий. («Бортное дерево... беречь, не сечь и не поджигать и пчел не выдирать, чтобы государев бортовый лес не запустел», и т. д.). Бортовые деревья снабжались обычно знаками, указывающими на принадлежность определенному лицу. В древнерусских источниках А. И. Робакидзе находит наименования этих знаков: «калита с поясом», «четыре рубежи», «вилы», «заячьи уши», «теса», «черты», «мотовило» и др.

Использование восковых моделей при отливке металлических предметов также говорит о значении пчеловодства в хозяйственном быту славян, а различные медовые напитки — «меды сладкие», «меды пресные», «меды пряные» — о широком распространении продуктов пчеловодства в повседневной жизни. Кроме того, у восточных славян мед и воск в VIII в., наряду с пушшиной, являлись своеобразным предметом экспорта. А это обстоятельство еще раз указывает на древность пчеловодства на Руси.

Особенно интересна часть монографии, касающаяся Грузии.

Большой этнографический материал, собранный самим автором, широкое использование письменных источников и данных археологии позволили ему нарисовать широкую картину развития пчеловодства в Грузии.

Одно из наиболее ранних свидетельств о домашнем пчеловодстве А. И. Робакидзе находит в «Никорциндской грамоте», датируемой началом XI в., в которой улей, наряду с важнейшими предметами сельского хозяйства, упоминается в качестве эквивалента стоимости.

В отношении дофеодальной Грузии в книге приведены многочисленные свидетельства античных авторов, указывающих на значительное место продуктов пчеловодства в хозяйственном быту грузинских племен, в частности сванов, колхов, чанов. Для того чтобы иметь возможность судить о конкретных формах пчеловодства того периода, автор ссылается на известное место из «Анабазиса» Ксенофонта, согласно которому у колхов «не было ничего необыкновенного, кроме большого числа ульев». Свидетельство Ксенофонта дает основание утверждать, что у колхов в V в. до н. э. было широко развито пчеловодство, основанное на искусственном улье и организованных пасеках. Это положение подкрепляется еще тем, что в античную эпоху «понтийский воск» считался наиболее качественным и вывозился в другие страны Черноморья.

С древних времен грузинские племена применяли мед и воск в народной медицине. И по сей день жало пчелы считается радикальным средством лечения начинающих ревматических заболеваний. В Грузии распространена так называемая грузинская пче-

ла с длинным хоботком, которая не только в древние времена, но и сейчас является предметом экспорта.

Для более раннего периода автор приводит победную надпись правителя одной из областей, расположенных к югу от современного Закавказья, который в VIII в. до н. э. привел к югу известных его отцу пчел в свою страну из страны Хабха. Страна эта локализуется также к югу от современного Закавказья и была населена хурри-урартскими племенами. Анализируя данные археологии, в частности технику отливки металлических предметов по «восковой модели», А. И. Робакидзе приходит к выводу, что уже к III тысячелетию до н. э. были созданы условия для возникновения домашнего пчеловодства, так как развитие местной металлургической промышленности, которая нуждалась в систематическом поступлении воска, могло быть обеспечено лишь организованной формой пчеловодства.

Грузинский историко-этнографический материал показывает, что пчеловодство как отрасль хозяйственной деятельности грузин возникло в древнейшую эпоху и прочно вошло в быт грузинского народа. Свидетельством этого, наряду с другими данными, является пережиточно сохранившийся в быту грузин обычай выделения жертвенного улья. Способ получения меда и воска из этого улья — самый примитивный, относящийся еще к периоду первобытно-общинного строя. На древность пчеловодства указывает и связь некоторых архаических черт добычи меда и воска с древнейшими элементами скотоводства и земледелия грузин, а также ряд таких древнегрузинских культов, как культ земли, воды и дерева.

Для этнографа особый интерес представляет материал, на котором рассматриваются формы использования продуктов пчеловодства как в семейном быту, так и в различных отраслях ремесленного производства.

Считая, что монография А. И. Робакидзе «К истории пчеловодства» является ценным вкладом в нашу этнографическую литературу, мы не можем не отметить некоторые вопросы, нуждающиеся, по нашему мнению, в более подробном освещении.

Так, автором не приводятся материалы С. И. Макалатия по этнографии Грузии, интересные с точки зрения вопросов, затрагиваемых в рецензируемой работе.

Следовало шире использовать хорошо известный А. И. Робакидзе аджарский этнографический материал, который подкрепляет его положение о большом разнообразии форм пчеловодства в Грузии.

Привлечение данных ономастики дало бы автору возможность ввести в круг исследований новые исторические источники для подтверждения своих выводов.

Т. Чиковани

Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды Мордовской этнографической экспедиции, вып. I. Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LXIII, 1960, 255 стр.

Настоящим выпуском Трудов, судя по заявлению его редакции, начинается публикация основных материалов, собранных в течение ряда лет Мордовской этнографической экспедицией. Всего намечено четыре выпуска, в которых предполагается всесторонне осветить основные вопросы этнической истории мордовского народа. Такая публикация представляет большой интерес уже потому, что восполняет существенный пробел, имеющийся в характеристике историко-этнографической области Среднего Поволжья. Прикамья и Приуралья. Культура коренных народов этой области создавалась в условиях их длительной совместной жизни и тесного соприкосновения с русским населением, появившимся здесь много веков назад. В последние десятилетия написаны солидные труды по этнографии татар, башкир, чувашей, коми, частично удмуртов и марий, включающие материалы о происхождении народов, их хозяйстве и материальной культуре. Отсутствие подобных работ по мордве и русскому населению края (имеются лишь отдельные статьи) делает публикацию трудов Мордовской этнографической экспедиции вполне обоснованной и своевременной.

В рецензируемый первый выпуск вошли работы более общего характера: о расселении мордовского народа, его происхождении, языках, антропологических типах, а также статьи об отдельных этнографических группах мордвы — каратаях и теньгушевской мордвы-эрзи в связи с их происхождением.

Первая статья — «Расселение мордвы» (автор В. И. Козлов) содержит весьма солидное исследование о расселении мордвы в различные исторические периоды; где возможно — приведены демографические сведения. Автор тщательно собрал все данные о расселении мордвы до середины XVI в. Вкратце изложив теории о происхождении мордовского народа, он подробно остановился на взаимоотношениях мордвы с русскими, а после монголо-татарского нашествия и с татарами, показывая, как повлияли эти отношения не только на быт и экономику мордвы, но и на ее расселение.

Совершенно правильно оценив стремление золотоордынского правительства поселить своих феодалов на мордовских, преимущественно мокшанских, землях, бывших северной границей собственно ордынских владений и русских княжеств, автор несколько преувеличил роль Казанского ханства в расселении татар. Ведь к моменту создания